

*С любовью
к тебе*

Уфа 2006

УДК 80
ББК 80
С 11

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ВЭГУ

Редакция:

Ю.М.Камильянова, канд. филол. наук, доцент (ответственный редактор);
Н.П.Пешкова, д-р филол. наук, профессор (научный редактор);
Н.Л.Сунцова, канд. филол. наук, профессор (научный редактор).

С любовью к тексту. – Уфа: Восточный университет, 2006. – 180 с.

ISBN 5-87865-360-5

В монографии, представляющей исследования коллектива авторов, обсуждаются проблемы семантики текста, рассматриваются его категории и структурные особенности, затрагиваются некоторые аспекты процессов его порождения и понимания, приводятся различные подходы к анализу речевых произведений разного типа, анализируются связи и отношения лингвистики текста с другими областями филологической науки.

Монография может представлять интерес для специалистов в области лингвистики текста, психолингвистики, языкоznания и широкого круга читателей, интересующихся проблемами филологии.

Рецензенты: Т.М.Гарипов, д-р филол. наук, профессор, член-кор. АН РБ;
В.Л.Ибрагимова, д-р филол. наук, профессор.

ISBN 5-87865-360-5

© Издательство «Восточный
университет», 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ЧАСТЬ 1. ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ТЕКСТА

ГЛАВА 1. ТЕКСТ. КАТЕГОРИИ И СТРУКТУРА ТЕКСТА

1.1. Текстовые категории и информация в тексте <i>(И.В.Богословская)</i>	6
1.2. Ключевые слова текста как структурообразующий фактор его семантики <i>(И.А.Баринова)</i>	15
1.3. Лексический повтор как средство выражения внутренней и внешней связности текста (на материале устного научного текста) <i>(И.Н.Рыбка)</i>	23

ГЛАВА 2. Смысл ТЕКСТА: ОТ ПОРОЖДЕНИЯ К ПОНИМАНИЮ

2.1. Психолингвистический подход к построению моделей порождения <i>(Н.Л.Сунцова)</i>	28
2.2. Смысл текста и его многозначность <i>(Н.П.Пешкова)</i>	39
2.3. Вариативность интерпретации смысла текста <i>(И.Г.Овчинникова)</i>	51
2.4. Порог адекватности восприятия специального текста <i>(А.М.Маркарян)</i>	63
2.5. Моделирование процессов понимания. «Семантика текста»: от формализованного представления содержания текста к его автоматическому выделению <i>(Д.С.Курушин)</i>	69

ЧАСТЬ 2. ЛИНГВИСТИКА КОНКРЕТНОГО ТЕКСТА. АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ТЕКСТА

ГЛАВА 3. РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ТЕКСТА

3.1. Некоторые аспекты логико-языкового подхода к анализу текста <i>(М.Г.Дудина)</i>	75
3.2. Из опыта анализа: об одном нетипичном вторичном тексте <i>(И.В.Васильева, Н.Б.Агранович)</i>	82
3.3. Телевизионный спортивный репортаж как тип текста <i>(Р.А.Каримова)</i>	92

3.4. Анализ художественного текста: этнокультурные стереотипы в художественной литературе и в жизни (на материале психосемантического эксперимента) (И.Д.Бобринская).....	95
3.5. Риторический анализ художественного текста (Е.А.Яковлева).....	105
3.6. «Люди Божие» Б.Зайцева как текст о юродивых (Ю.М.Камильянова)	114

ЧАСТЬ 3. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ДРУГИМИ ОБЛАСТЯМИ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

ГЛАВА 4. ТЕКСТ И ПЕРЕВОД

4.1. Интертекстуальное пространство и перевод (Н.М.Нестерова)	125
4.2. Осмысление и понимание информации в процессе перевода (Т.С.Серова)	132

ГЛАВА 5. СЕМАНТИКА ТЕКСТА И СЛОВА

5.1. Психологические типы и процессы ассоциирования (Т.М.Рогожникова)	144
5.2. Окказиональное слово: приглашение к пониманию (Е.В.Поздеева)	157

ГЛАВА 6. ЯЗЫКИ МИРА. БАЗА ДАННЫХ «ЯЗЫКИ МИРА» И ФОРМАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ (Е.И.Ярославцева)	163
--	-----

Сведения об авторах.....	175
---------------------------------	------------

5.2. Окказиональное слово: приглашение к пониманию

Е.В.Поздеева, г. Пермь

До XX века проблема понимания практически не попадала в фокус внимания науки. Говоря о ранних ее исследованиях, можно упомянуть схоластические споры об интуиции, работы Дильтея и Шпренгера – в психологии и К.Ясперса – в психопатологии, ограничившихся рассуждениями об-

щего характера и не осуществивших каких-либо конкретных исследований в этой области, и работы Вюрцбургской школы, в которых просто упоминалось о необходимости экспериментального изучения проблемы понимания. Одну из причин того, что данный вопрос как бы выпал из поля зрения ученых, усматривают в «крайнем атомизме психологии, делавшем невозможным изучение сложных психических процессов» [1, с. 163].

В настоящее время проблема понимания представляет огромный интерес для исследователей как в области психологии, так и в других гуманитарных областях. Отмечая данный факт, В.А.Лекторский называет понимание своеобразным «шестым чувством» человека. Сами ученые признают сложный и противоречивый характер понимания. Несомненным остается одно – понимание есть комплексный процесс, который охватывает множество психических процессов.

Разумеется, обычно мы не отаем себе отчет в том, что в данный момент у нас в сознании «осуществляется процесс понимания». Об этом начинают задумываться лишь тогда, когда понимание исчезает. Это относится, например, к ситуации, когда текст по каким-то причинам (из-за лакун, непонятности языка и т.д.) становится непрозрачным, темным, неподвластным пониманию. С другой стороны, учеными признается готовность человека считать любое высказывание априорно осмыслившимся. Ю.М.Лотман говорил, например, о так называемой «презумпции осмыслинности», а по мнению А.С.Штерн, «тяга к осмыслинию проявляется даже в случаях предъявления бессмысленного слогового материала» [2, с. 25].

Таким образом, само непонимание текста является своего рода приглашением (или даже вызовом) к пониманию. В целом непонимание, с одной стороны, и надежда на присутствие смысла («презумпция осмыслинности») – с другой, составляют весьма плодотворный парадокс и воспроизводят очень важную экзистенциальную ситуацию – обретение смысла.

С одной стороны, обретение смысла является своего рода конфликтом двух реальностей – языковой и внеязыковой. Языковая реальность индивида – это его личный языковой опыт, приобретенный и приобретаемый им в процессе верbalного общения в течение всей жизни, представляющий собой некий массив прецедентов, который охватывает фонетику, лексику и грамматику языка. Языковая реальность становится для носителей данного языка необходимой нормой, соблюдение которой обеспечивает сохранность языка и возможность им пользоваться.

Очевидно, что индивидуальный языковой опыт человека может быть непосредственно использован только тогда, когда актуальная ситуация полностью совпадает с прецедентной. Однако вряд ли такое совпадение может иметь место, поскольку внеязыковая реальность гораздо

более динамична, и задачи, которые она обычно ставит перед человеком, достаточно специфичны. Невозможность решить такие задачи как известные, имевшие место ранее, и порождает ту конфликтную ситуацию, о которой было упомянуто выше.

С другой стороны, можно говорить о том, что языковая и внеязыковая реальность «вступают» в своего рода сотрудничество и, дополняя друг друга, ведут индивида к обретению смысла, т.е. к пониманию.

Данные утверждения могут быть достаточно убедительно проиллюстрированы результатами эксперимента, нацеленного на выявление особенностей понимания окказионального слова.

Процесс понимания, как известно, трудноуловим. «Можно долго не понимать чего-либо; пытаясь понять, можно долго анализировать нечто, но понимание, в конце концов, все же приходит как-то неожиданно, внезапно и часто даже без слов» [1, с. 164]. Поэтому, вероятно, основное, над чем приходится задуматься при исследовании процесса понимания, – как сделать его более уловимым, замедленным, расчлененным в своем протекании.

Логично предположить, что такие условия создаются при встрече с чем-то малопонятным, непонятным и совершенно незнакомым. В нашем случае «чем-то совершенно незнакомым» выступали окказиональные слова. Кроме того, сама методика проведения эксперимента, использованная нами (*Thinking Aloud Protocols*, или записи мыслей вслух), также позволила значительно замедлить процесс понимания и зафиксировать отдельные его этапы.

Суть данной методики заключается в следующем: испытуемым предлагается текст на перевод. При этом их просят проговаривать вслух все то, что «приходит в голову» в процессе работы над переводом. «Озвученные» мысли записываются на магнитофон или диктофон (в идеале, лучше всего использовать видеозапись, чтобы иметь возможность наблюдать и невербальное поведение испытуемых). В дальнейшем эти записи подвергаются тщательному анализу. Данная методика позволяет создать такие условия, при которых процессы восприятия и понимания оказываются несколько замедленными и в силу этого «расчлененными в своем протекании» [1, с. 165]. Нельзя, разумеется, абсолютизировать *Thinking Aloud Protocols* как прямое, непосредственное отражение мыслительных процессов. Полученные результаты скорее следует рассматривать как некоторые данные, связанные каким-то образом с речемыслительной деятельностью человека.

Проведенный нами эксперимент заключался в следующем: испытуемым, владеющим английским языком, предлагался текст на этом

языке, содержащий окказиональные слова, которые были нами особо выделены. (Иноязычный текст предлагался по двум причинам: во-первых, нас интересовали особенности процесса понимания при переводе окказиональных слов; во-вторых, английские (а не русские) окказионализмы сделали текст еще менее понятным). Кроме того, был выделен и контекст, достаточный, на наш взгляд, для понимания данных слов. При записи мыслей испытуемых использовались диктофоны. Таким образом, мы попытались зафиксировать не только результаты их работы, но и сам процесс. Время, отведенное на проведение эксперимента, ограничивалось двумя академическими часами. В качестве экспериментального текста мы использовали стихотворение Э.Камменгса:

Pity this busy monster, *manunkind*,
not. Progress is a comfortable disease:
your victim (death and life safely beyond)
plays with the *bigness* of its *littleness*,
electrons deify one *razorblade*
into a *mountainrange*, lenses extend
unwish through curving *wherewhen* till *unwish*
returns on its *unself*.
A world of made
is not a world of born – pity poor flesh
and trees, poor stars and stones, but never
a fine specimen of *hypermagical*
ultraomnipotence. We doctors know
a hopeless case if – listen: there's a hell
good universe next door, let' go.

Приведем дословный протокол записей мыслей вслух одной из испытуемых (мы использовали английский вариант написания слова, когда оно произносилось по-английски):

«Начнем с первого предложения. Pity this busy monster, manunkind, not. Предположим, слово *manunkind* происходит от слова *mankind* – человекоподобный, тогда слово *manunkind* будет человеконеподобный, то есть нечеловечный. Да, пускай нечеловечный. Как перевести это предложение? «Нам не жалко...» Не то чтобы «не жалко» – «нет ничего плохого в том, что существует этот монстр – бесчеловечность». Что-то в этом духе.

Второе. «Прогресс – это удобная болезнь. Ваша жертва...» Death and life safely beyond... Тот случай, когда слова понятны, а что значат –

непонятно. «Смерть и жизнь – жертвы в безопасности» – что-то такое. «Ваша жертва играет с чем-то … с огромным размером – bigness – своей малости». Как это сказать по-русски? Да! «Ее маленький размер необъятен». Электроны deify… Где-то я слышала слово deification. Это что-то типа поклонения, идеализации. Electrons deify one razorblade into a mountain range. Это, видимо, «электроны четко следуют одной … орбите вращения». Mountainrange… Вообще здесь оно никак не должно соотноситься с циклом, кругом, но, по-видимому, значит именно это. «Электроны всегда вращаются по своей орбите, никогда от нее не отклоняясь».

Дальше. «Линзы увеличивают нежеланное, искажая до тех пор, где и когда, пока это нежеланное не перестанет быть собой». Смысл, видимо, в том, что мы видим, что мы хотим видеть, и в результате это происходит до такой степени, что мы перестаем видеть то, что есть на самом деле. «Мир искусственного – это не мир рожденного. Бедная плоть и деревья, бедные звезды и камни, но никогда прекрасное создание…» Hypermagical… это как magic, только еще круче. Ultraomnipotence… Ultra – это что-то «сверх». Omni – сразу вспоминается слово omnibus, то есть двухэтажный автобус. Может быть, что-то двойное, удвоенное? Тогда что у нас получается? «Создание со сверхъестественной раздвоенностью».

Дальше. «Мы, доктора, знаем…, что чертовски классный мир за соседней дверью. Давайте туда отправимся».

Из протокола видно, что процесс понимания окказиональных слов шел следующим образом. Сначала имело место обращение к языковой реальности – «узнавание» отдельных компонентов окказиональных слов (префиксов, суффиксов, корней и т.д.) и определение их значения. («слово manunkind происходит от слова mankind – человекоподобный, тогда слово manunkind будет человеконеподобный»). Испытуемая строила своего рода грамматическую гипотезу». Затем выдвигалась смысловая гипотеза («нечеловечный») – попытка сформулировать, вербализовать свой вариант понимания, которая далее приобретала вид варианта перевода данного окказионализма («бесчеловечность»). Заметим, что хотя окказиональные слова и были расчленены покомпонентно и переведены, это, как выяснилось, не всегда обеспечивало понимание. Переведенные окказионализмы были разрознены и «повисали в воздухе».

Наконец, происходило обращение к внеязыковой реальности – грамматическая и смысловая гипотезы верифицировались с помощью контекста. При этом вариант перевода того или иного окказионального слова мог несколько измениться.

Следует отметить, кроме того, что расчленение окказионального слова на составляющие компоненты не всегда эксплицировалось или

эксплицировалось неполностью («Ваша жертва играет с чем-то ... с огромным размером – *bigness* – своей малости» или «*hypermagical*... это как *magic*, только еще круче»). Нам кажется, это происходило потому, что некоторые окказиональные слова, например *hypermagical* или *bigness*, воспринимались как узальные в силу некой привычности той типовой словообразовательной модели, по которой они были образованы. Следовательно, испытуемые (осознанно или неосознанно) не считали необходимым эксплицировать свою грамматическую гипотезу относительно значения данных окказионализмов.

Очевидно, что в данном случае испытуемые сталкивались с трудностями и при обращении к внеязыковой реальности для проверки своих гипотез о значении того или иного окказионализма. Данное стихотворение – яркий пример поэзии модернизма – действительно достаточно сложно для понимания. Это говорит о важности контекста при понимании окказиональных слов, когда контекст «разрастается» до так называемых энциклопедических знаний. Возможно, если бы испытуемые были лучше знакомы с творчеством поэтов-модернистов, контекст, которым они пользовались, оказался бы гораздо шире. (Это вполне согласуется с общепризнанным утверждением о том, что переводчик должен «владеть» контекстом, то есть обладать не только достаточными знаниями в области языков оригинала и перевода, но и фоновыми знаниями в области переводимого материала).

Однако нельзя не заметить проявления действия так называемой «презумпции осмысленности», о которой говорил Ю.М.Лотман, – стремления индивида считать высказывание априорно осмысленным: испытуемые пытались объяснить то, что было для них малопонятным и(или) не соотносилось с их языковыми знаниями («*Mountainrange...* Вообще здесь оно никак не должно соотноситься с циклом, кругом, но, по-видимому, значит именно это. «Электроны всегда врачаются по своей орбите, никогда от нее не отклоняясь»).

При выдвижении гипотез относительно значения окказиональных слов действовали и индивидуальные ассоциативные связи («*Omní* – сразу вспоминается слово *omnibus*, то есть двухэтажный автобус. Может быть что-то двойное, удвоенное? Тогда что у нас получается? «Создание со сверхъестественной раздвоенностью»). Можно предположить, что они могли активироваться именно в силу малопонятности всего контекста в целом.

Как видим, испытуемая попыталась провести своеобразную «реабилитацию» непонятного текста – понять и сделать его более осмысленным. Вызов к пониманию был принят и более или менее успешно решен.

Глава 6. Языки мира

Пожалуй, сложно найти более настойчивое приглашение к пониманию, чем окказиональные слова (во всяком случае, для читателя или переводчика художественной литературы). Способность «приглашать к пониманию» у окказиональных слов имманентна и связана с их особым характером: в окказиональном слове встречаются и взаимодействуют языковые традиции и индивидуальная авторская речь, лингвистические и экстралингвистические знания, предсказуемые и спонтанные ассоциации, прецедентное и неожиданное, стереотипное и творческое. Эта способность окказионального слова и определяет его существование как некой целостности в мире явлений.

Список цитируемых источников

1. Соколов А.Н. Психологический анализ понимания иностранного текста // Известия Академии педагогических наук РСФСР. – М., 1947. – Вып. 7.
2. Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. – СПб., 1992.